

РЯЗАНСКІЙ АРХІЕПИСКОПЪ МИСАИЛЬ.

ВЪ ЭПОХУ наибольшаго развитія тамбовской колонизаціи, въ XVII вѣкѣ, мѣстные инородцы: татары, мордва и мещера, постепенно и массами стали принимать православіе. Иногда это движеніе было вынужденное и, слѣдовательно, болѣе или менѣе притворное, когда на сцену являлись не миссіонеры, а воеводы и другіе служилые люди.

Иногда же наши инородцы охотно и съ полною искренностію принимали крещеніе. Это было, конечно, тогда, когда за дѣло брались такіе свѣтлые и энергичные люди, какъ, напри- мѣръ, знаменитый архіепископъ Мисаиль.

Рязанскій архіепископъ Мисаиль (онъ же управлялъ и нынѣшнею тамбовскою епархіею), любимецъ и ставленникъ патріарха Никона, безъ всякаго сомнѣнія, былъ главнымъ просвѣтителемъ нашихъ инородцевъ. Мисаиль прибылъ въ свою епархію въ 1652 году и сразу обратилъ особенное вниманіе на религіозно-нравственную жизнь своей разноплеменной паствы. Его въ особенности огорчала крайне нетрезвая жизнь духовенства окраинъ тогдашней Рязанской епархіи, именно, уѣздовъ: Шацкого, Тамбовскаго, Кадомскаго и Темниковскаго. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ городскіе и сельскіе пастыри не только упивались виномъ дома, но свободно расхаживали по кабакамъ и заѣзжимъ дворамъ. Многіе священники, пренебрегая пастырскими обязанностями, занимались отхожими промыслами: рѣчными, лѣсными и торговыми. А церкви Божіи подолгу стояли безъ пѣтя-четья, прочитатъ и пропѣтъ было некому. Когда же промышленники-священно-служители возвращались изъ своихъ промышленно-коммерческихъ экскурсій домой и приходили

въ свои церкви, то вели себя неблагочинно и пьяно, читали и пѣли не единогласно, а голоса въ два и въ три. Въ то же время многія духовныя лица, подобно мордвѣ, одѣвались въ зипуны съ ожерельями, а нѣкоторые вдовцы-священники вступали во вторые браки. Вслѣдъ за духовенствомъ шли и міряне и даже превосходили его своими пороками. Многіе мірскіе люди тамбовскаго края лѣтъ по 30—40 и болѣе не бывали у исповѣди и св. причастія. Между тѣмъ въ храмовые праздники, бывая другъ у друга, они предавались безмѣрному и душепагубному пьянству по недѣлѣ и болѣе, при чемъ къ приходскимъ храмамъ, для пущаго веселья, приходили скоморохи съ медвѣдями, гудками, бубнами, волынками, домрами, а надъ всѣмъ этимъ дикимъ весельемъ, по словамъ современныхъ актовъ, поощрительно раздавалась шумная и сквернословная брань пьяныхъ безумцевъ, позорившихъ родную рѣчь дикими, бессмысленными и смрадными словами... Подгулявшіе добрые русскіе молодцы, а вслѣдъ за ними иноземная мордва и татарва, входили въ церковныя ограды и ожесточенно, смертно бились на кулачки, или же, пріютившись въ какомъ-либо уголкѣ церковнаго двора, азартно съ искаженными жадностію и злобою лицами играли въ зернь, карты, шахматы и разныя другія игры. Сюда же являлись знахари и ворожеи гадать про будущее и творить надъ больными и надъ дѣтьми разныя чары, и тутъ-то, по словамъ нашихъ источниковъ, сшивалась лесть, сплетались козни, разлучались съ отцами и матерями любимыя дѣти, съ женихами—невѣсты, и были великіе вредъ и погубленіе людямъ¹⁾. Не особенно покорно въ нашей сторонѣ справляли день Рождества Христова. Въ этотъ день старики, мужики и парни сходились къ женщинамъ для чародѣйства, бл... и кобылокъ. Вообще же въ тѣ отдаленныя отъ насъ времена всѣ наши жители, при крайнемъ религіозномъ индефферентизмѣ, тщательно соблюдали всѣ суевѣрные обычаи: святочные, весенніе, купальскіе и иные. А которые люди крестились, говорится въ нашихъ документахъ,—изъ мордовскіе вѣры въ крестьянскую вѣру, и тѣ въ домѣхъ своихъ жили съ некрещеными женами и дѣтьми, съ братьями и съ сестрами, и святыя посты и среды и пятки не имѣли и въ церковь Божию не ходили и отцовъ у себя духовныхъ не имѣли²⁾.

Прибывъ въ свою разноязычную и нравственно-неустойчивую епархію, архіепископъ Мисаилъ немедленно обратился къ своей рязанской и тамбовской паствѣ съ увѣщательною грамотою, которая свидѣтельствуешь о немъ, по ея простотѣ, силѣ и искрен-

¹⁾ Рукопись, которою мы въ данномъ случаѣ пользовались, хранится въ Темниковскомъ соборѣ.

²⁾ Ibid.

ности, какъ о пастырѣ того нравственно-высокаго и умственно-свѣтлаго типа, какими была столь обильна древняя малокнижная, но сильная духомъ непоколебимой вѣры наша Русь... Эту грамоту я привожу съ самыми незначительными сокращеніями.

«Благословеніе великаго господина, — писалъ нашъ архипастырѣ, — преосвященнаго Мисаила... всѣмъ игуменамъ, и соборнымъ и городскимъ и посадскимъ и уѣзднымъ попомъ и дьякономъ нашея Рязанскія архієпископіи, Шацкія и Кадомскія десятины. Указалъ мнѣ, богомольцу своему, великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, по избранію великаго господина и стца нашего святѣйшаго патріарха Московскаго и всея Россіи и всего освященнаго собора, быти въ Переяславлѣ Рязанскомъ архієпископомъ. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ и вы бѣ молили всещедрого Господа Бога и Пречестую Богородицу и всѣхъ святыхъ о многолѣтнемъ здравіи царскомъ, царя Алексѣя Михайловича, и христоролюбивой царицы Марьи Ильиничны и о его государевыхъ сестрахъ и о его государевѣ дщери. И подалъ бы Господь великому государю свыше побѣду и одолѣніе на вся видимые и невидимые враги, и царство бѣ его безмятежно устроилъ, да и насъ бы сыновѣмъ нашего смиренія во святыхъ своихъ молитвахъ въ забвеніи не учинить. Да вы бѣ игумены у себя въ монастыряхъ на погребѣхъ и на ледникахъ и въ кельяхъ вина и пива и медовъ хмѣльныхъ и брагъ пьяныхъ не держали, и въ вотчинахъ бы своихъ монастырскихъ заказъ крѣпкій учинили, чтобы крестьяне къ праздникамъ вина не курили, пивъ и брагъ не варили и медовъ хмѣльныхъ не ставили. А будетъ въ которыхъ монастыряхъ сыщется хмѣльное питье и мы указали на тѣхъ править пеню по государеву указу и грамотѣ. А вы бѣ, соборные и иные священники и дьяконы, потому жѣ хмѣльнаго питья въ домѣхъ своихъ не держали и по кабакамъ не ходили бѣ и въ иныхъ мѣстахъ нигдѣ не пили. А въ церквахъ бы Божіихъ вездѣ у васъ во вся дни безъ всякаго церковнаго пѣнія не было, и дѣтей бы своихъ духовныхъ учили страху Божію и на кабакъ имъ ходить не велѣли и всякаго хмѣльнаго питья держать заказали. А будетъ учнутъ попы насъ послушаться и запиваться и церкви Божіи будутъ у нихъ безъ пѣнія, и вы бѣ, игумены, тѣхъ пьяныхъ поповъ и дьяконовъ и церковныхъ дьячковъ велѣли имать и сажать въ смиренье..., и выпустя послѣ шести недѣль имали бѣ по нихъ крѣпкія поруки съ записми. А въ церквахъ Божіихъ пѣть и говорить имъ, попамъ дьяконамъ и церковнымъ дьячкамъ, единогласно. А будетъ которые попы и дьяконы учнутъ въ церквахъ пѣть и говорить не единогласно, и тѣмъ служить не велѣти и отъ церквей отказывати, и о томъ бы есте къ намъ писали, и мы учнемъ къ тѣмъ церквамъ по своему разсмотрѣнію ставить въ попы людей добрыхъ,

неупойчивыхъ и учительныхъ. А буде вы, игумены, не учнете по нашему указу поповъ смирать и мы васъ самихъ за ваше ослушаніе и презрѣніе отъ Бога данныя намъ власти отлучимъ отъ священства во вѣки и учнемъ въ дальніе города въ подначала крѣпкія ссылатъ».

Всѣ эти приведенныя нами слова рязанскій архипастырь относилъ ко всей своей паствѣ. Далѣе у него идетъ рѣчь собственно о нашемъ краѣ.

«Да вѣдомо намъ учинилось,—пишетъ Мисаиль,—что въ Шацкомъ и въ Кадомѣ и въ уѣздахъ православные христіане съ своими женами и дѣтьми лѣтъ по тридцати и по сороку и по пятьдесятъ и больше посты не постятся и у священниковъ не поновляются и не причащаются. И вамъ бы, священникамъ, въ своихъ приходахъ учинить о томъ заказъ крѣпкій. И кто будетъ не достоинъ къ причастію и вамъ бы велѣти говѣти имъ въ иные посты. А которые будутъ православные христіане ослушаться и мы учнемъ писать про нихъ государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея Русси. Да сказали бѣ есте въ государевыхъ дворцовыхъ селахъ и въ черныхъ волостяхъ и во всякихъ вотчинахъ и помѣстьяхъ старостамъ и цѣловальникамъ и крестьянамъ: какъ доведется имъ посылать къ намъ ставленниковъ и они бѣ посылали къ намъ ставленниковъ срослыхъ, въ попы 30 лѣтъ, а во дьяконы 25 лѣтъ. А люди были бѣ добрые и благочинные и искусны и грамотѣ учены, а не здорщики и не косторы и не бражники и не ярыжники. А молодыхъ ставленниковъ и воровъ и бражниковъ къ намъ не присылать».

Слѣдующія слова нашего достославнаго архипастыря ясно указываютъ на бытъ нашихъ предковъ.

«Да сказать бы въ міръ всея Рязанскія архіепископіи, Шацкія и Кадомскія десятины всякихъ чиновъ людѣмъ, чтобъ они впредь безо всякія вражія мечты въ праздники качелей и релей не ставили и всякія игры оставили и смуты не дѣлали. Да которые посадскіе и уѣздные люди будутъ откупати кабаки въ Шацкомъ и Кадомѣ для своей бездѣльной корысти, и того бы они не дѣлали, и вамъ бы про то сказывати. И жили бѣ въ нашихъ городахъ посадскіе люди и всѣ православные христіане благочинно по заповѣди отцовъ своихъ духовныхъ и приходили бѣ ко святымъ церквямъ Божіимъ по вся дни. А будетъ которые учнутъ кабаки откупати и игры чинити и мы такихъ не велимъ въ церковь Божію пущать и приносу принимать, а въ дома ихъ со всякою святынею входить, а которые отыдутъ сего свѣта и мы такихъ не велимъ у святыхъ Божіихъ церквей хоронити».

Сильный духомъ и ревностію по вѣрѣ архіепископъ Мисаиль энергично боролся главнымъ образомъ противъ народнаго повальнаго пьянства и противъ религіознаго индифферентизма, проявляв-

шагося въ крайней и массовой холодности къ господствующей церкви. Эта черта дѣятельности архієпископа Мисаила довольно ясно и опредѣленно выражаетъ его отрицательное отношеніе къ современному ему русскому обществу и наводитъ насъ на мысль, что старая Русь, разными добродѣтелями которой иногда колятъ глаза настоящему вѣку, въ дѣйствительности была далеко не примѣрною въ религіозно-нравственномъ отношеніи и слѣдовательно извѣстное наименованіе: старая святая Русь надо понимать больше въ поэтическомъ смыслѣ, чѣмъ въ историческомъ.

Въ слѣдующихъ строкахъ увѣщательной грамоты архієпископъ Мисаилъ обращается непосредственно къ изображенію быта духовенства нашего края.

«Да сказали бѣ есте дьячкамъ и пономарямъ, чтобъ они впредь зипуновъ съ ожерельями не носили, а носили бѣ однорядочки или сермяжки черныя или сѣрыя, а за неволю бѣлыя, и зипуны бѣ оставили... А которые вдовыя попы и дьяконы скуфьи съ себя сметывали и женились на иныхъ женахъ, и вы бѣ, игумены и протопопы, такихъ въ церковь Божію не пуцали»¹⁾.

Съ перваго же года своего архипастырства архієпископъ Мисаилъ обнаружилъ выдающуюся неутомимую дѣятельность. Онъ отечески вникалъ въ частную жизнь подчиненнаго ему духовенства и во всѣ праздники звалъ братію свою къ своему архієпископью столу. Какъ разъ передъ его пріѣздомъ въ Переяславль-Рязанскій самозванецъ-попъ Евсей Степановъ изъ корыстныхъ видовъ крестилъ нѣсколько мордовскихъ семействъ, и архієпископу Мисаилу пришлось нѣсколько недѣль сряду самолично распутывать это небывалое дѣло и снова крестить (поновлять) мордву. Многіе корыстные торговцы, не слушаясь царскихъ и патріаршихъ указовъ, великимъ постомъ и на Пасху продавали въ кабакахъ вино и систематически спаивали народъ, особенно инородцевъ. Тогда ревностный нашъ владыка съ силою многою возсталъ противъ корчемниковъ и ихъ досмотрщиковъ и изгналъ ихъ изъ епархіи. Продолжая дѣло исправленія паствы, Мисаилъ всѣхъ вдовыхъ поповъ, подававшихъ поводъ къ соблазну, силою постригалъ и отсылалъ въ монастыри и понемногу бывшіе разгульные мірскіе соблазнители становились степенными и трезвыми служителями церкви. Только одинъ изъ нихъ попъ Алексѣй, постриженный въ Солотчинскомъ монастырѣ, бѣжалъ оттуда, платье черное съ себя скинулъ и женился.

Но особенно тяжело было нашему архипастырю бороться съ повальной нравственною распущенностью среди русскихъ мірянъ и

¹⁾ Окр. гр. арх. Мисаила хранится въ Моск. Румянц. музеѣ. Своевременно ее читали, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, каждый праздникъ и воскресенье, во всѣхъ церквахъ бывшей рязанской епархіи.

преимущественно среди новокрещенной мордвы. Познакомившись съ этою мордвою, во время епархіальныхъ ревизій по теченію Мокши, Цны, Хопра и Вороны, Мисаилъ близко принялъ къ сердцу и мордву языческую и рѣшился особенно посвятить себя миссіонерскому дѣлу.

Еще въ іюнѣ перваго года своего святительства архіепископъ Мисаилъ посылалъ уже въ Шацкій уѣздъ, именно въ присудъ села Конобеево-Березово, іеромонаха Артемія для крещенія тамошней мордвы, и нѣсколько мордовскихъ семействъ крестилось. Между тѣмъ самъ святитель пока уклонялся отъ непосредственной миссіонерской проповѣди, такъ какъ усиленно занятъ былъ въ своемъ кафедральномъ городѣ неотложными епархіальными дѣлами и вскорѣ отозванъ былъ патріархомъ Никономъ въ Москву на соборъ для исправленія старопечатныхъ церковныхъ книгъ. И уже по возвращеніи съ собора Мисаилъ предпринялъ относительно нашей мордвы непосредственное свое миссіонерское служеніе.

Съ царскаго дозволенія и патріаршаго благословенія, въ сопровожденіи чернѣвскаго архимандрита Василя и многихъ священниковъ, а также думнаго дьяка Саввы Звѣрева, преосвященный Мисаилъ отправился въ Шацкій уѣздъ. Это было зимою 1654 года. Не торопясь онъ переѣзжалъ изъ одного мордовскаго селенія въ другое, вездѣ лично проповѣдывалъ и, наконецъ, прибылъ въ дворцовое село Конобеево, откуда часто наѣзжалъ въ деревни Ямбирную и Устье. Апостольскіе труды Мисаила, къ величайшей его радости, на первыхъ порахъ увѣнчались блестящимъ успѣхомъ: имъ обращено было въ православіе 316 человекъ мордвы. Тогда ревностный проповѣдникъ извѣстилъ жителей села Березова и деревень Агламазова, Ракова и Ерневой, чтобъ и они явились для слушанія проповѣди и для крещенія въ село Конобеево. Но язычники-мордовцы ослушались приказанія и архипастырь отправился къ нимъ самъ. Прикрытый архіерейскою мантией и съ крестомъ въ рукѣ, нашъ миссіонеръ приближался къ мордовскимъ селитьбамъ и въ снѣжномъ полѣ встрѣченъ былъ многосотенною мордовскою толпою. На всѣ увѣщанія святителя язычники твердили одно, что они послали къ государю челобитчиковъ и безъ его указа креститься не станутъ и что они не знаютъ русскаго языка, а потому и въ русскія церкви ходитъ имъ не для чего. Мисаилъ вернулся въ Конобеево. Здѣсь онъ получилъ извѣстіе о верхоценской мордвѣ, проживавшей въ окрестностяхъ Тамбова, будто она желаетъ креститься, и немедленно, на спѣхъ, отправился въ Тамбовъ и въ Тамбовскій уѣздъ, гдѣ и окрестилъ нѣсколько десятковъ мордовскихъ семействъ. Изъ Тамбова, не заѣзжая въ Шацкъ и село Конобеево, архіепископъ Мисаилъ на короткое время возвратился въ Переяславль и оттуда подробно донесъ царю и патріарху объ успѣхахъ своей проповѣди.

«Я—богомалець вашъ,—писалъ онъ,—по вашему указу ѣздилъ и милостію Божіею и Пречистой Богородицы и при молитвѣ святыхъ въ Шацкомъ и Тамбовскомъ вѣдомства моего уѣздѣхъ окрестилъ 4015 человекъ мордвы и татаръ».

Въ 1655 году архієпископъ Мисаиль снова ѣздилъ въ Москву для соборнаго книжнаго исправленія. И тогда же снова просилъ у патріарха благословенія отправиться на проповѣдь Евангелія въ Шаць и Кадомъ и въ ихъ уѣзды, гдѣ многія тысячи мордвы еще продолжали совершать въ своихъ лѣсныхъ трущобахъ суевѣрныя моленія и приносить жертвы передъ истуканами и старыми деревьями. Получивъ патріаршее благословеніе и щедрую царскую помощь, нашъ миссіонеръ вернулся домой и тщательно сталъ готовиться къ послѣднему и самому трудному своему подвигу. Въ февралѣ 1656 года Мисаиль съ чернѣвскимъ архимандритомъ Василиемъ опять прибылъ въ Шацкій уѣздъ и именно въ тѣ самыя мѣста, гдѣ прежде встрѣчали его такъ враждебно. Въ помощь ему присланъ былъ царемъ думный дворянинъ Ив. Павловичъ Матюшкинъ, который привезъ нашей мордвѣ увѣщательную царскую грамоту. Но мордва упорствовала и не слушалась ни Мисаила, ни самого царя. Пославъ объ этомъ увѣдомленіе въ Москву, архієпископъ поселился въ мордовскомъ селѣ Березовѣ и жилъ тамъ четыре недѣли, почти безъ всякой свиты. Царь узналъ объ этомъ и чрезъ дворянина Алтухова писалъ нашему владыкѣ, чтобы онъ поберегся и чтобы являлся къ мордвѣ съ нужнымъ числомъ государевыхъ служилыхъ людей. Однако, владыка не берегся. Однажды съ малою свитою и съ боярскимъ сыномъ Бахолдинымъ, онъ отправился для проповѣди въ шацкую деревню Ямбирную, которая отличалась особеннымъ языческимъ упорствомъ и ненавистію жителей къ святителю. Дорогою архієпископу Мисаилу дали знать, что фанатическая мордва, не желая слушать его проповѣдь, рѣшилась на самыя крайнія мѣры и въ количествѣ болѣе 500 человекъ сговорилась дать ему вооруженный отпоръ и съ этою цѣлью съ ружьями, луками и дубинами, ослопьемъ, рогатинами и топорками, захватила пустые срубы и клѣти, стоявшіе передъ деревней. Однако, архипастырь не утрашился своихъ враговъ и смѣло, памятуя апостольское пѣшее хожденіе и изнуреніе, двинулся впередъ къ роковому мѣсту на свой послѣдній и величайшій подвигъ. Одѣвшись въ архієрейскую мантию, съ посохомъ въ лѣвой и съ крестомъ въ правой рукѣ, архієпископъ Мисаиль пошелъ пѣшкомъ къ невѣрнымъ. Труденъ былъ путь его. Въ то время была ранняя, мартовская весна и нашъ доблестный миссіонеръ поневолѣ долженъ былъ пробираться по дорогѣ, гдѣ жидкой грязью, гдѣ льдомъ и снѣгомъ, гдѣ холодной водой. Промокала его обувь и продували его кафтанъ, рясу и мантию буйныя весенніе шацкіе вѣтры, а

онъ шелъ сосредоточенный, усталый и духовно-радостный и дорогою пѣлъ съ своими спутниками 26-й, 80-й, 90-й псалмы. Приближалась деревня Ямбирная. Смутно рисовались впереди деревенскіе срубы и кѣлѣи. Думалъ нашъ миссіонеръ-святитель близъ этихъ кѣлѣй и срубовъ мирно бесѣдовать съ дикою, но милою отеческому его сердцу мордвою. И вотъ показались косматая мордовскія головы и искаженные страхомъ и злобой лица. Мисаилъ, осѣнивъ ихъ крестомъ, быстро подошелъ къ нимъ и началъ было свою рѣчь, но его прервали неистовымъ крикомъ, громкою и грубою мордовскою бранью и заглушали его апостольскую проповѣдь усиленнымъ свистомъ пуль и стрѣлъ... Нѣкоторые лица архіерейской свиты, въ томъ числѣ и чернѣевскій архимандритъ Василій, немедленно были убиты ¹⁾. Государевы служилые люди, правда — не многочисленные, разбѣжались. Въ это время къ Мисаилу подбѣжалъ высокій пожилой мордвинъ и хотѣлъ ударить его копьемъ, но боярскій сынъ Бахолдинъ отвелъ ударъ и оттолкнулъ фанатика. Тѣмъ не менѣе мужественный святитель не хотѣлъ отступать и снова началъ проповѣдывать. И едва онъ успѣлъ сказать нѣсколько словъ, какъ мордовская стрѣла поразила его въ лѣвую руку и сердце. Обливаясь кровью, проповѣдникъ упалъ на землю, но вѣрный Бахолдинъ, ни на минуту не покидавшій своего архипастыря, съ опасностію для своей жизни, поднялъ его и бережно вынесъ изъ толпы, при чемъ одною рукою держалъ крайне ослабѣвашаго святителя, а другою отражалъ нападавшихъ. Между тѣмъ подоспѣли опомнившіеся отъ испуга царскіе ратные люди и разогнали злодѣевъ... Что касается мученика-архіепископа Мисаила, то его положили въ сани, гдѣ онъ немедленно исповѣдался и причастился св. таинъ, и привезли въ село Агламазово въ избу къ священнику. Здѣсь онъ велѣлъ поставить передъ собой образъ Спасителя и, смотря на ликъ Его, началъ плакать и умывать своею кровію голову и лицо и благодарить Бога, что сподобилъ его омыться кровію отъ грѣховъ и немощей человѣческихъ ²⁾. Это было 1-го апрѣля, во вторникъ на страстной недѣлѣ...

Среди чрезвычайныхъ нравственныхъ и физическихъ страданій, Мисаилъ прожилъ еще 9 дней. Онъ скончался въ четвергъ на святой недѣлѣ, 10-го апрѣля. Свидѣтели его кончины рассказывали, что святитель опочилъ отъ своихъ трудовъ безъ агоніи, спокойно, ясно и радостно. 21-го мая тѣло святителя привезли въ Переяславль-Рязанскій. Погребальное шествіе на всемъ пути отъ Агламазова и до мѣста отличалось особенною торжественностію. За гробомъ шли игумены, священники, діаконы и множество народа.

¹⁾ Архимандритъ Василій погребенъ въ своемъ Чернѣевскомъ монастырѣ. Любопытно знать помнитъ ли монастырь своего знаменитаго настоятеля и въ какомъ состояніи содержитъ его могилу.

²⁾ Историч. обозр. Ряз. іер. Воздвиженскаго.

3-го іюня 1654 года епископъ Мисаилъ преданъ былъ землѣ въ Архангельскомъ соборѣ. Близъ гробницы святителя и теперь сохраняется его мантия, на трехъ прошибинахъ которой видна кровь нашего священно-мученика, твердо помнившего и разумѣвшаго слова Спасителя, что пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы.

По убіеніи архієпископа Мисаила, какъ и должно было быть, началось обширное судное дѣло. Возмутители большею частію были схвачены и отвезены въ Переяславль, Шацкъ и Кадомъ. Между слѣдственными показаніями свидѣтелей убіенія особеннаго вниманія заслуживаетъ показаніе уже извѣстнаго намъ домоваго сына боярскаго Акиндина Бахолдина. Поэтому мы приводимъ его почти полностію, съ небольшими сокращеніями и измѣненіями въ слогѣ.

«По указу великаго государя,—показывалъ Бахолдинъ,—посланъ былъ преосвященный Мисаилъ архієпископъ въ Шацкой городъ и въ Шацкій уѣздъ крестить мордву... И егда учалъ архієпископъ крестити и они мордва учинились сильны и непослушны и во крещеніе не пошли. И преосвященный Мисаилъ архієпископъ писалъ о томъ къ Москвѣ и великій государь указалъ послать свою великаго государя грамоту о крещеніи... И послѣ того поѣхалъ преосвященный Мисаилъ архієпископъ втретіе мордву во крещеніе приводити и стоялъ въ селѣ Березовѣ четыре недѣли. И взявъ съ собою государевыхъ служилыхъ людей въ Шацкомъ уѣздѣ въ селѣ Конобеевѣ, сколько человѣкъ пригоже, поѣхалъ тотъ архієпископъ къ мордвѣ, въ мордовскую деревню Ямбирную, и въ той деревнѣ на пажити стояли срубы и избы и клѣти и въ тѣхъ срубахъ, избахъ и клѣтяхъ залегли многіе мордовскіе люди съ ружьемъ, человѣкъ 500 и больши... И какъ я, Акиндинъ, былъ въ тѣ поры конюшимъ и выѣхалъ въ околицу и они мордва учили за мной гонять съ ружьемъ, и онъ, архієпископъ, мимо домовыхъ людей поѣхалъ къ мордвѣ самъ и хотѣлъ прочитатъ великаго государя указъ о крещеніи. И въ то число вышли многіе люди, мордва, съ ружьемъ и дубьемъ изъ срубовъ и насъ домовыхъ людей всѣхъ разогнали, а въ то время былъ снѣгъ глубокъ и убѣжати отъ мордвы было не мочно, а они всѣ гонять на лыжахъ и учили по архієпископѣ Мисаилѣ изъ луковъ стрѣлять, одинъ же человѣкъ мордвинъ хотѣлъ архієпископа ударить копьемъ и я, Акиндинъ, видѣвъ его великаго господина единаго, и хотя за него умереть, самъ поѣхалъ на страшную смерть и того мордвина съ копьемъ не допустилъ до архієпископа и сколотъ не далъ. А онъ, архієпископъ, мордовскаго беззаконнаго убійства не убоялся, прочь не поѣхалъ и въ то время одинъ мордвинъ преосвященнаго архієпископа изъ лука прострѣлилъ въ лѣвую руку и пройде стрѣла сквозь руку подъ мышку въ сердце. И онъ, преосвященный, ту

стрѣлу изъ себе велѣлъ вынуть и я, Акидинъ, тое стрѣлу вынулъ. И въ то время прибѣжалъ мордвинъ на лыжахъ и хотѣлъ государя скоротъ копьемъ и унести и я, Бахолдинъ, съ тѣмъ мордвиномъ схватился и учалъ архіепископа отводить. И прибѣжалъ иной мордвинъ на лыжахъ и кинулъ въ меня копьемъ и то копье прииде въ шапку, и шапку съ меня сшибъ и воткнулось то копье съ шапкою въ снѣгъ и прибѣжали многіе люди—мордва и учили мою шапку шибать и за мною въ тылъ метать. А иной мордвинъ ударилъ меня дубинкою по сѣдлу и у сѣдла отшибъ заднюю луку и доски, а меня въ то число Богъ сохранилъ. И я отъ той мордвы побѣжалъ и доѣхалъ по господина, а онъ отъ той раны вельми изнемогъ, валится, и сталъ мнѣ рукавки свои отдавать и я одну принялъ, а другую уронилъ. И ухватилъ я архіепископа подъ руку, а онъ за меня ухватился вельми крѣпко, и скоро повезъ его, крѣпко держучи, и—мочи моею не стало... Тутъ прибѣжалъ ризничій Варлаамъ и подхватилъ его подъ другую руку и такъ мы ушли... И какъ приказной человѣкъ Левъ Тереховъ съ домовыми людьми и съ образомъ ѣхали и вся мордва разбѣжалася. А мы тѣло архіепископа положили въ сани и онъ въ санѣхъ исповѣдался, а послѣ исповѣди привезли его въ село Агламазово... И велѣлъ архіепископъ передъ собою поставить Спасителя образъ и учалъ, на него зря, плакати и святыя молитвы возсылати и кровію своею главу свою и лицо омывати... А убитъ онъ преосвященный архіепископъ во вторникъ страстей Христовыхъ и волею Божіею въ четвертокъ на свѣтлой недѣлѣ преставился. И велѣлъ себя положить въ Шацкомъ уѣздѣ, близъ Чернѣева монастыря, у церкви св. мученика Мины, на пустѣ мѣстѣ въ лѣсу, и лежалъ у той церкви многое время... И по указу великаго государя, а по благословенію святѣйшаго патріарха, архіепископа Мисаила тѣло взято въ Переяславль Рязанскій и лежало непогребенное годъ. И какъ указалъ великій государь и святѣйшій патріархъ тѣло его погребсти отцу его духовному Спасскому архимандриту Боголѣпу, то погребенъ онъ за 8 дней до году убіенія его. А тѣло его, новаго мученика преосвященнаго архіепископа Мисаила, цѣло и невредимо. Погребенъ въ церкви архистратига Михаила на правой сторонѣ у южныхъ воротъ»¹⁾). Главнымъ слѣдователемъ по поводу убіенія архіепископа Мисаила былъ стольникъ Левъ Ермолаевъ. По обычаямъ прежнихъ лѣтъ, слѣдствіе волочилось очень долго и окончилось только въ 1684 году. Большинство подсудимыхъ приняло православіе.

По смерти святителя Мисаила, какъ это всегда бываетъ, начались во всей Рязанской епархіи и въ Шацкой и Кадомской де-

¹⁾ Это показаніе Бахолдина хранится въ Моск. Румянц. музеѣ. Подлинная его копія передана мною въ Тамб. архивн. комиссію.

святыхъ усиленные толки о нравственныхъ качествахъ покойника. И оказалось, что доблестный миссіонеръ былъ истиннымъ отцемъ для паствы и особенно для духовенства, къ которому въ горькія минуты жизни смѣло можно было обращаться, съ увѣренностію въ нравственной и матеріальной помощи. Въ 1655 году тамбовскій край много терпѣлъ отъ татарскихъ набѣговъ. Всюду по Цнѣ, Воронѣ, Воронежу и Челновой, горѣли села и среди дымившихся избъ слышались вопли и стоны несчастныхъ жертвъ татарскаго изувѣрства. По степнымъ и лѣснымъ тамбовскимъ тропинкамъ шли торжествующіе татарскіе загоны, а за ними грузно тянулись обозы съ награбленнымъ добромъ и съ толпами связанныхъ плѣнниковъ, бывшихъ обывателей нашихъ селъ и деревень. То было время общаго по всему тамбовскому краю унынія... Отцы и матери плакали о дѣтяхъ своихъ, убитыхъ и полоненыхъ; и малыя дѣти, случайно забытыя татарами, тщетно звали родителей своихъ... Въ эти поистинѣ тяжкіе дни святитель Мисаилъ былъ всѣмъ страдальцамъ замѣсто отца и матери. Изъ многихъ обычныхъ письменныхъ къ нему обращеній того времени приведу два.

Тамбовской Дмитровской посадской церкви попъ Евдокимъ писалъ Мисаилу:—«Приходили подъ Тамбовъ воинскіе люди татарове и прихожанъ моихъ многихъ порубили и въ полонъ побрали и многіе дворы отъ того разоренія опустѣли и мнѣ, богомольцу твоему, кормиться стало нечѣмъ».

Другой тамбовскій же священникъ, имя котораго осталось неизвѣстнымъ, обратился къ Мисаилу съ письмомъ такого содержанія:— «Снова приходили къ намъ въ Тамбовъ предъ земляной валъ воинскіе люди многіе татарове и къ городу приступали и на всѣ посады и слободы били, и на вылазкѣ тамбовскихъ полковыхъ конныхъ и пѣшихъ казаковъ и пушкарей порубили, многихъ въ полонъ поимали и хлѣбъ въ полѣ потолочили. А осадя городъ, плѣнили уѣздъ верстъ на 50 и больши, по рѣку Челновую до села Вирятина да до села Кулеватова, и многихъ тамъ порубили и полонили, и стада конскія и мелкую скотину отогнали. А въ селѣ Вирятинѣ въ церкви были, иконамъ поругались и церковь осквернили. И прибывала къ татарамъ новая сила и чаяли тамбовцы разоренія до остатку»¹⁾.

Обѣ эти жалобы, подобно многимъ другимъ, горячо были приняты владыкою къ сердцу. Отзывчивый на чужую бѣду архипастыръ пожелалъ видѣть просителей у себя на дому, обласкалъ ихъ, искренно и дружески утѣшилъ и постарался обезпечить ихъ съ семействами лучшими приходами.

Къ доброму рязанскому святителю часто приходили слезныя прошенія и изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ епархіи и на всѣ эти прошенія онъ обращалъ самое серьезное вниманіе.

¹⁾ Указанныя двѣ жалобы хранятся въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ.

Въ 1652 году Мисаилъ получилъ изъ Усмани такую просьбу неизвѣстнаго намъ лица:—«Великимъ постомъ приходили къ намъ на Усмань татарове и на поляхъ поймали у усманскихъ стрѣльцовъ и казаковъ женъ съ дѣтьми и съ племянниками. Также и у женъ мужей полонили». По этому поводу рязанскій владыка, между прочимъ, сдѣлалъ такое общее распоряженіе, чтобы всѣ насильственно разведенные супруги, если желаютъ, вновь вступали въ бракъ съ иными лицами. А между тѣмъ по всей епархіи шелъ усиленный сборъ подаяній на выкупъ полоняниковъ и въ числѣ самыхъ крупныхъ вкладчиковъ въ эту кассу былъ самъ Мисаилъ.

Въ особенности обнаружилось любвеобильное архипастырское сердце Мисаила во время сильнаго мороваго повѣтрія въ нашемъ краѣ въ 1654—55 годахъ. Многіе дворы въ Шацкой и Кадомской десятинахъ, въ Тамбовѣ и Козловѣ, и въ Верхоценской волости были выморные. Избы и клѣти стояли пустыя. Даже вопля человѣческаго не было слышно, такъ велико было тогдашнее подавляющее общее горе... Надъ всѣмъ краемъ пронеслась грозная и неотвратимая смерть, подъ впечатлѣніемъ которой всѣ какъ бы оцѣпенѣли... Тутъ-то и явился доблестный пастырь къ своему испуганному стаду. Бѣдняку, поневолѣ забросившему хозяйство, онъ оказывалъ матеріальную помощь. Нравственно изможденному и горемъ убитому человѣку онъ отечески, властно и цѣлительно говорилъ святыя Евангельскія утѣшенія, въ которыхъ вся наша сила, все наше спасеніе отъ давящаго и недоумѣннаго житейскаго горя.

Архіепископъ Мисаилъ богослуженіе любилъ совершать торжественно и пышно. Онъ самъ умѣлъ хорошо пѣть и требовалъ, чтобы его пѣвчіе дѣяки къ дѣлу своему относились старательно, умѣло и живо. Бывши въ частной жизни строгимъ монахомъ, воздержнымъ и скуднымъ, нашъ архипастырь во время церковной службы одѣвался въ дорогія одежды, желая и внѣшнимъ образомъ прославить господствующую церковь. Такъ, во время праздничныхъ богослуженій онъ надѣвалъ драгоцѣнную, золотую съ камнями и жемчуги, митру, присланную ему самимъ царемъ. Митра стоила по тогдашнему счету тысячу рублей.

Кстати, нельзя не обратить вниманія на миссіонерскую дѣятельность архіепископа Мисаила и относительно мѣстныхъ татаръ, которыхъ особенно много было въ Кадомскомъ уѣздѣ, какъ это видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго мѣста грамоты Іоанна IV отъ 1570 года къ турецкому султану Селиму:

«Въ Кадомскомъ уѣздѣ»,—писалъ царь,—«многіе приказные государевы люди мусульманскаго закона и въ тѣхъ Мещерскихъ городѣхъ (...Шацкѣ, Елатьмѣ, Темниковѣ и Кадомѣ) мусульманскія вѣры люди по своему обычаю мизгити и кошени держать и

государь ихъ ничѣмъ отъ ихъ вѣры не нудить и мольбищъ ихъ не рушить; всякій иноземецъ по своей вѣрѣ живетъ ¹⁾...»

Архієпископъ Мисаилъ, во время миссіонерскихъ своихъ путешествій, нерѣдко лично уговаривалъ татаръ принять православіе и, случалось, его внушеніямъ татары поддавались цѣлыми семьями, хотя, вобщемъ говоря, мусульманскій элементъ въ нашемъ краѣ былъ гораздо устойчивѣе языческаго мордовскаго.

Между прочимъ, нашъ знаменитый миссіонеръ крестилъ въ Шацкомъ уѣздѣ сибирскаго царевича Алтанаева и касимовскаго царевича Сеидбурхана. Но особенно удачна была его проповѣдь къ татарамъ Верхоценской волости. Верхоценскіе татары сами пожелали видѣть и слышать святителя, который охотно исполнилъ ихъ желаніе, прибывъ къ нимъ въ окрестности Тамбова и крестилъ ихъ. Въ настоящее время слѣды татарскаго населенія по верховьямъ Цны почти изгладилась, во всемъ Тамбовскомъ уѣздѣ находится только одно татарское село, Татарщина, и главнымъ дѣятелемъ этой могущественной ассимиляціи, безъ всякаго сомнѣнія, былъ архієпископъ Мисаилъ. А было время, преимущественно въ XIV вѣкѣ, когда татарскій элементъ былъ господствующимъ въ нашемъ краѣ. Тогда вся восточная часть нынѣшней Тамбовской губерніи входила въ составъ особаго татарскаго владѣнія, основаннаго мурзою Тагаемъ. Столица этой орды была въ Наровчатѣ, а русскіе сторожи, наблюдавшіе за Тагайской границей, стояли по рѣкѣ Ваду. Даже турки въ былые годы проникали въ наши мѣста, считая ихъ коренными мусульманскими. Такъ, въ 1594 году къ Шацку подходили воинскіе люди, ногаи и азовскіе турки, но были отражены шацкимъ воеводою княземъ Кольцовымъ-Масальскимъ ²⁾.

И. Дубасовъ.

¹⁾ Исторія Карамзина, т. VIII.

²⁾ Гор. посел. въ Россійской имперіи, т. V.